

Армейский броневик, внешне напоминающий миниатюрный танк, с тихим свистом работающих гравитационных двигателей мчался по V-образной трассе. Вид за бронированным стеклом превратился в смазанное пятно. Это безумное ощущение скорости будоражило кровь во сто крат сильнее, чем езда на самом роскошном суперкаре по дорогам Земли.

В туристическом секторе Базы на Юпитере действовал строгий регламент: ни одно здание не могло быть выше шести этажей. Прохожих тут почти не встречалось. Если не считать уволенных на берег членов экипажа с космического корабля «Аврора», редкими гостями здесь были лишь баснословно богатые люди — только им оказывались по карману астрономические расходы на подобные межпланетные перелеты.

Эти сильные мира сего, привыкшие к завистливым взглядам обывателей, сейчас сами с неприкрытым восторгом замирали и провожали машину глазами. Возможность промчаться по просторам загадочного Юпитера на таком брутальном армейском броневике была тем опытом, за который они, не задумываясь, выложили бы целое состояние.

Вот только Хань Цзину сейчас было не до триумфа. По дороге к отелю «Синтия» он еще получал удовольствие от чужой зависти, радуясь возможности испытать этот невероятный броневик, которую подарил ему Морис. Но теперь, стоило вспомнить о дочери, как на душу лег тяжелый, необъяснимый груз. Азарт угас, уступив место тревоге, которая мучила и его супруга.

— Ты слишком тревожишься, — мягко заметил Хань Цзин. — Вечно просчитываешь худшие сценарии, которые, скорее всего, никогда не сбудутся.

— Перестань хмуриться, у меня сердце кровью обливается, когда я вижу тебя таким.

Перед тем как открыть дверцу, Хань Цзин потянулся к Морису и нежно поцеловал его.

— И не забивай голову дурными мыслями. Наша Кэтрин — послушная девочка, с ней все в порядке. Прямо сейчас она, должно быть, ужинает в доме твоего отца.

Хань Цзин мягко положил ладонь на живот Мориса, стараясь скрыть собственное беспокойство.

— К тому же теперь тебе нужно беречь себя... и его. Выкинь все из головы, хорошо?

— Мой дорогой Морис?

— Тогда поцелуй меня еще раз, — негромко отозвался Морис, прекрасно понимая, что творится на душе у супруга.

— Хорошо... — прошептал Хань Цзин.

Он нежно прижался губами к его горячей мочке уха и тихонько выдохнул, заставив Мориса вздрогнуть от внезапной сладкой дрожи.

Морис тут же шутливо оттолкнул мужа, прекращая эту невинную шалость, и открыл дверцу машины. Он окинул взглядом выстроившихся в отдалении солдат и бескрайние, почти пустынные просторы военной базы. Его красивое лицо вновь приняло привычное холодное и строгое выражение.

Пополнив запасы на Базе на Юпитере, космический корабль «Аврора» лег на прежний курс, направляясь к орбите Сатурна. Этот гигант уступал размерами лишь Юпитеру. И хотя курс пролегал в стороне от самой планеты, обойти стороной гигантские пояса астероидов и метеорных тел, плотным кольцом окружавших Сатурн, было невозможно.

Скопления метеоритов — классическая угроза для межзвездных полетов. Разброс размеров у этих блуждающих обломков колоссален: от относительно небольших глыб в несколько километров до исполинских скал величиной с Луну.

Человечество лишь недавно прикоснулось к тайнам четырехмерного пространства, безнадежно отставая от цивилизации под эгидой великой Руны — высокоразвитой расы, давно покорившей Звёздные врата.

Те же «Каве» или «Колд», некогда отправленные на ловлю русалок, были не более чем скромными частными яхтами графа Сивиса, представителя лиранцев с планеты Нордик. Для них это был аналог обычных земных бизнес-джетов. И все же даже такие, самые заурядные корабли пришельцев казались людям невероятными исполинами, левиафанами глубин, способными бороздить космический океан по воле собственного полуживого разума.

Опаснейшие метеоритные пояса, заставлявшие земных штурманов замирать от страха, для чужаков были легкой прогулкой. Их корабли испускали мощные энергетические импульсы, которые расходились волновыми кругами и в мгновение ока перемалывали любые препятствия в мелкую космическую пыль.

Земные технологии все еще бесконечно далеки от инопланетных цивилизаций. По словам Симо, человечеству необходимо пережить по меньшей мере три фундаментальных технологических скачка, чтобы просто приблизиться к уровню развития планеты Нордик. Что же касается высшей касты Паэтри и их флагмана, космического корабля «Испания», то Симо даже не брался судить об их возможностях — эта мощь принадлежала цивилизации Камера, шагнувшей далеко за рамки четырехмерного пространства.

Разрыв между измерениями в научном плане превосходил дистанцию между каменным веком и эпохой покорения Солнечной системы. Это была непреодолимая пропасть.

Будучи первоклассным командиром, Морис понимал, что земная «Аврора» перед лицом астероидной угрозы Сатурна может полагаться лишь на субсветовую навигацию и радары. Корабль сбросил скорость, осторожно лавируя среди блуждающих скал. За время перехода дважды возникали критические ситуации, но хладнокровие и точные приказы генерала позволили разминуться со смертью.

Из-за чудовищного притяжения Сатурна поведение метеорных потоков было непредсказуемым. Малейшая оплошность грозила мгновенной гибелью — «Аврора» могла повторить судьбу корабля «Коис», разлетевшегося на куски вместе со всем экипажем.

«Коис» принадлежал к классу тяжелых крейсеров и находился под командованием генерала Сингхсена, равного Морису по званию. Сингхсен, соратник генерала Шермана, обладал колоссальным опытом и заслуженно считался в правительстве лучшим штурманом глубокого космоса. Тем не менее в коварных поясах Сатурна он допустил роковую ошибку, приведшую к засекреченной катастрофе. «Коис» зацепил блуждающий астероид, потерял управление, и гравитационный вихрь швырнул его прямо на другую гигантскую глыбу. Прогремел страшный взрыв, не оставивший шансов ни одному человеку на борту.

Эта трагедия потрясла руководство Федерации. С тех пор умение провести тяжелый крейсер сквозь хаос колец Сатурна к Харону стало считаться абсолютным пиком профессионального мастерства. Лишь пять генералов во всем флоте владели этим искусством, и Морис с каждым годом затмевал остальных.

После инцидента в Атлантиде Морис стал подобен обнаженному клинку — его расцветший гений заставил померкнуть всех сверстников. Другим четырем штурманам требовалось около двух месяцев только на то, чтобы миновать окрестности Сатурна. Морис же укладывался в месяц. Благодаря его феноменальному таланту весь путь от Земли до Харона занимал рекордные тридцать дней.

Солдаты и офицеры втайне мечтали служить именно под началом Мориса. На фоне других они понимали: в полной опасностей бездне космоса расчет генерала Нормана — лучшая гарантия выживания. К тому же под его руководством они могли быстрее вернуться на Землю, вырвавшись из изнурительной рутины дальних походов.

За весь переход ведомая Морисом «Аврора» столкнулась с угрозой лишь дважды — и в обоих случаях генерал просчитал риски заранее, не выказав ни малейшего беспокойства. На вопрос Хань Цзина о секрете столь безупречного пилотирования Морис как-то ответил, что дело в жестком математическом расчете и абсолютном внимании к мельчайшим деталям.

Держать под контролем каждую деталь — колоссальный труд, требующий невероятного умственного напряжения и феноменальных аналитических способностей.

Хань Цзин, будучи профессиональным математиком, как никто другой понимал, за какими пределами человеческих возможностей стоит подобная легкость.

Хань Цзин задумчиво смотрел сквозь прозрачный срез кристалла Туаой, служивший иллюминатором: Сатурн уже уменьшился до размеров яркой искры. Спустя месяц тяжелого пути «Аврора» наконец вышла на орбиту Харона.

Харон — загадочный спутник Плутона, перевернувший всю историю человечества, величественно возник прямо по курсу «Авроры».

В рубке поднялся гул. Кто-то радостно присвистнул, кто-то вскочил с кресла. Морис не стал призывать подчиненных к порядку. Он молча стоял у лобового экрана, вглядываясь в растущий диск планеты, и думал о том, каким бесконечным показался ему этот месяц. Экипажу мешала уставная дисциплина, ему же приходилось тратить все силы на то, чтобы справляться с жестоким токсикозом.

«Интересно, как он там?..»

Морис незаметно коснулся рукой живота. Его лицо оставалось бесстрастным, но за этот месяц он заметно осунулся. Хань Цзин нарушил устав, подойдя к нему прямо во время вахты.

— Наконец-то мы на месте... — тихо произнес он, встав рядом.

— В ближайший месяц я не позволю тебе лично заниматься всем подряд.

— Побудешь на базе, отдохнешь и займешься своим здоровьем. Будешь просто координировать действия и отдавать приказы. Это мое единственное условие, при котором я согласился на этот полет.

Хань Цзин смотрел на ледяную, иссиня-черную поверхность Харона. За все годы их брака он редко позволял себе говорить столь жестко и непреклонно.

За десять лет исследований человечество выяснило, что эта планетарная цитадель вдвое превосходит по диаметру Луну, достигая половины объема Земли. Ее иссиня-черная броня состояла из того же материала, что и покоящиеся на дне Атлантики руины Атлантиды или Звёздные врата на Базе № 9. Вещество отдаленно напоминало высокоуглеродистую сталь, однако люди могли лишь бессильно прикасаться к его ледяной поверхности — исследования его кристаллической решетки и молекулярной структуры на атомном уровне все еще топтались на месте.

Земные технологии не позволяли оставить на этой броне даже малейшей царапины. Именно из этого сверхплотного сплава древние демиурги человечества, раса Альтеран, некогда выковали Харон — грандиозную космическую цитадель.

Харон замер миллионы лет назад. В глубинах этого гиганта циркулировали лишь остаточные крохи энергии, едва достаточные для поддержания осевого вращения и колоссального защитного поля, простиравшегося на тысячи километров вокруг.

С далекого Плутона Харон казался обычным безжизненным телом, рожденным силами природы. Но стоило ему повернуться к солнцу, как поверхность вспыхивала глубоким иссиня-черным глянцем, обнажая гигантское темное пятно. Это была колоссальная вогнутая чаша — единственный рукотворный кратер на идеальной сфере планеты.

Впадина не являлась следом от падения метеорита. Идеально круглая чаша площадью в сотни квадратных километров была частью изначального инженерного замысла создателей Атлантиды. Поверхность этой вогнутой сферы была безукоризненно гладкой, словно гигантский стальной шар, расчерченный строгими геометрическими линиями стыков.

Именно внутри этой чаши расположился земной исследовательский аванпост. С помощью кристаллов Туаой ученые развернули защитный купол площадью в двадцать квадратных километров. Под его прикрытием работала система жизнеобеспечения, но, в отличие от Базы на Юпитере, здесь все дышало холодом. Вокруг вздымались иссиня-черные монолиты, напоминающие декорации к мрачной фантастике: ни единого живого ростка, только мертвый металл и военные исследователи, работающие в суровых условиях этого неземного полигона.

«Аврора» ошвартовалась в испытательном доке. Время летело быстро, и незаметно пролетел еще месяц с половиной.

Все это время на полигоне кипела напряженная работа. Тяжелые боевые шагоходы и бронетехника, доставленные «Авророй», без усталости маневрировали по иссиня-черным плитам Харона. Высоко над головой, под изумрудным куполом защитного поля, на высоте нескольких тысяч метров выписывали виражи легкие истребители нового поколения. Эти машины, созданные на стыке земной инженерии и наследия цивилизации Камера, были гордостью Федерации — оружием, которому в будущем предстояло покорить дальний космос.

Мощное гравитационное поле Харона, простирающееся на тысячи километров, исключало саму возможность смертельного падения летательных аппаратов, что делало планету идеальным полигоном для испытания новой техники. Правда, эта безопасность была относительной и ограничивалась лишь жилой зоной. За пределами действия кристаллов Туаой находиться можно было только в тяжелых скафандрах — и чем дальше исследовательские группы уходили от купола, тем выше становился риск столкнуться со смертельной опасностью.

Высоко над головой, на высоте нескольких километров, неподвижно висели поврежденные Звёздные врата. исполинское кольцо тускло отсвечивало иссиня-черным металлом. Его зев пустовал — внутри не бурлило привычное голубое пламя перехода. Никто не знал, сколько эпох оно парило здесь в ледяном безмолвии, безмолвно напоминая о тех грандиозных Радужных вратах, что веками высились в мирах чужаков.

Диаметр этих врат превышал два километра — они были вчетверо крупнее тех, что стояли на

Базе № 9. Сквозь них без труда могла пройти даже «Аврора». Прямо сейчас несколько легких штурмовиков, заложив крутой вираж с креном в триста шестьдесят градусов, грациозно пронеслись сквозь пустую сердцевину кольца.

Слабая тень легла на лицо Хань Цзина. Он долго смотрел вверх, испытывая гордость за стремительный взлет земной науки, но вместе с тем в его душе шевелилось смутное беспокойство. Тот, кто лично соприкоснулся с наследием древней цивилизации и осознал бездну, разделяющую человечество и создателей, неизбежно испытывал этот благоговейный трепет. Был ли это страх? Или первобытный ужас перед величием, которое невозможно постичь?

Хань Цзин не знал ответа. Однако в его снах Звёздные врата всегда являлись в образе величественных Радужных врат. Те колоссальные кольца, парившие в открытом космосе и связывавшие воедино целые галактики, были во сто крат крупнее этого обломка. Их неземной масштаб потрясал воображение куда сильнее, чем вся ледяная цитадель Харона.

Хань Цзин шумно выдохнул и обернулся. Оказалось, его группа отстала метров на семь, завороченно застыв посреди узкой, сочащейся холодом расщелины.

— Живее!

— Двигаемся, двигаемся!

— Не отставать! — Хань Цзин переключил рацию на групповой канал и строго прикрикнул на зазевавшихся подчиненных.

Исследование этого разлома было сопряжено со смертельным риском. Глубокое ущелье оставалось единственной раной на безупречной сфере Харона, и здесь все еще действовали древние защитные барьеры Атлантиды. Трудно было представить, какая чудовищная сила потребовалась, чтобы разорвать сверхпрочную обшивку планеты и пробить эту бездонную пропасть. Стены каньона обнажали внутреннюю структуру небесного тела, подтверждая догадки ученых: Харон был полностью искусственным объектом, настоящей сокровищницей древних технологий, из которых люди не изучили и доли процента.

— Атланты не стали чинить эту брешь, ограничившись лишь установкой мощных защитных контуров, — Роджер, заместитель командира группы, ловко перепрыгнул через обломки металла и побежал навстречу Хань Цзину. — Видимо, на них обрушилась какая-то внезапная катастрофа, раз они оставили столь уязвимое место без внимания?

Как и остальные, Роджер бывал на Хароне неоднократно, но его восторг перед парящими в небе вратами не угасал.

И винить его в этом было нельзя. Хотя Роджер формально числился в составе легендарной миссии SG-I, удача упорно обходила его стороной. Сначала на космическом корабле «Колд»

его заморозили, на планете Uiwc он снова пробыл в анабиозе, а при бегстве на Землю потерял сознание от истощения, так что генералу Лэнсу пришлось на себе тащить его на борт крейсера «Миракл». За всю экспедицию Роджер так и не увидел Радужных врат воочию, а потому просто не мог понять того глубинного страха, который испытывал Хань Цзин.

— Это за пределами нашей компетенции, — ответил Хань Цзин, переключившись на частную волну.

Он пошел во главе отряда, увлекая людей за собой к выходу из ущелья.

Начиная со звания генерал-майора, каждый офицер подвергался жесткой аттестации и подготовке по программам Комитета обороны. За четыре года Хань Цзину пришлось не только углублять свои познания в математике и лингвистике древних рас, но и сдавать изнурительные нормативы по физподготовке, осваивая тактические дисциплины наравне с кадровыми военными.

Еще до прибытия на Базу на Юпитере он прошел полный курс симуляции и теперь мог уверенно пилотировать тяжелые гравитационные вездеходы. Сейчас в его руках покоилась новейшая лучевая винтовка — генерал-майор Хань Цзин был готов к любому повороту событий.

Офицеры высшего ранга Федерации были обязаны в случае опасности первыми принимать удар на себя, подавая пример подчиненным. Этот нерушимый устав распространялся как на генерал-майора Хань Цзина, так и на генерала Мориса. Перед лицом опасности все они были солдатами.

Включив прожектор, Хань Цзин поднял руку, приказывая группе замереть. Вместе с Роджером они подошли к массивным воротам по правую руку. Круглый створ высотой около шести метров был сильно деформирован и намертво заблокирован. За этой преградой, по расчетам, скрывались технические отсеки Харона, подобные внутренностям разрубленного андроида с обнаженными схемами и платами. К сожалению для ученых, эти бесценные образцы когда-то сплавилась от колоссальной температуры, превратившись в бесформенную шероховатую стену.

— Если нам удастся вскрыть эти ворота, мы получим доступ к кольцевому коридору внешнего радиуса планеты, — Хань Цзин постучал по обугленному металлу и сквозь забрало шлема посмотрел на Роджера. — Что думаешь? Это единственные ворота, обнаруженные после того, как мы обошли вторую защитную линию.

— Если бы мы могли открыть их, это принесло бы массу открытий, — Роджер провел сканером вдоль стыка. — Но нужно смотреть правде в глаза: даже если мы прокопаемся здесь триста лет, вряд ли сможем сдвинуть эту махину хоть на миллиметр. Она слишком сильно повреждена. Наша задача — поиск письменных источников и расшифровка символов. Все остальное пусть решает твой генерал.

— Нам нужно просто выполнять свою работу... Да уж, никаких надписей здесь нет. Возвращаемся, Хань Цзин?

Роджер покачал головой и провел перчаткой по иссиня-черной стене. Даже сквозь плотную ткань скафандра, мешавшую ощутить холод металла, по его спине пробежали мурашки.

Ладонь осталась девственно чистой. В этой бесконечной расщелине, как и на поверхности самого Харона, не было ни единой пылинки.

Миллионы лет в открытом космосе — и ни крупцы космической пыли!

Казалось, страшная катастрофа, разорвавшая планету, произошла долю секунды назад и ударная волна вот-вот настигнет их.

Почувствовав, как леденеет спина, Роджер невольно вздрогнул и заговорил быстрее, поторапливая Хань Цзина.

Иссиня-черное ущелье, скованное защитными полями древних, упорно сопротивлялось людям.

Скудный свет, проникающий сверху, едва рассеивал тьму, рождая мертвенные блики на холодном металле.

Разлом уходил в бескрайнюю черноту, извиваясь подобно исполинскому аспиду, чей холодный оскал замер всего в двух километрах от обитаемого купола базы.

Наконец они выбрались из опасной зоны. Хань Цзин приказал подчиненным занять места в вездеходе и отправляться на базу, а сам вместе с Роджером решил пройти пешком по иссиня-черным металлическим плитам. Два километра пути для тренированных военных — пустяк, от силы минут двадцать легкого шага. Зависшие в небесах изувеченные ворота невольно воскрешали в их памяти дни первой экспедиции SG-I.

— Знаешь, эти вылазки чертовски опасны, — негромко произнес Роджер, когда они приблизились к изумрудному свечению купола. — При первых попытках спуститься в расщелину мы из-за собственного невежества потеряли столько людей... Здесь все дышит смертью. Харон — ледяной склеп, непригодный для жизни. Как ты вообще позволил беременному Морису полететь с нами?

Хань Цзин опешил:

— Как ты узнал?

Роджер усмехнулся:

— Гленн в свое время тоже вынашивал ребенка, и я ухаживал за ним день за днем, с первого до последнего месяца. Думаешь, я не замечу знакомых симптомов?

Хань Цзин вздохнул, его улыбка вышла немного горькой.

— Пошел пятый месяц. Я схожу с ума от беспокойства. Думали, обернемся за тридцать дней, но сроки постоянно сдвигались. Слава богу, послезавтра мы наконец ложимся на обратный курс, иначе я бы просто извелся.

Роджер сочувственно похлопал его по плечу:

— Уже почти пять месяцев?! Значит, вы знали об этом еще до старта с Земли?

Увидев, как Хань Цзин кивнул, Роджер со вздохом покачал головой:

— И как ты только уступил?! Неужели твое мнение дома совсем ничего не значит?

Поняв, к чему клонит Роджер — тот, похоже, вообразил его бесправным супругом, безропотно подчиняющимся воле высокопоставленного мужа, — Хань Цзин едва сдержал улыбку. Он уже открыл рот, чтобы прояснить ситуацию, но следующие слова Роджера заставили его сердце пропустить удар.

— Последние годы на Хароне относительно спокойно. Но раньше, до того как ты получил допуск на Базу № 9, древние защитные системы унесли немало жизней наших парней, — серьезно произнес Роджер. — Твой Морис тогда получил страшное ранение. Спасло чудо — осколок прошел в паре миллиметров от сердца. Он выжил, но шрам на груди должен был остаться колоссальный. Ты ведь наверняка его видел?

«Шрам?!» — Хань Цзин ошеломленно замер.

Он знал каждый сантиметр тела Мориса. Кожа генерала была безукоризненно гладкой, словно дорогой шелк — ни намека на отметины от тяжелых ранений.

Неужели его идеальное тело стерло даже память о той смертельной ране?

— Боги не идеальны.

— И, возможно, именно поэтому они создали нас такими несовершенными? — воспользовавшись замешательством товарища, Роджер зашел под защитный купол и снял тяжелый шлем скафандра. Он указал на темнеющий вдали шрам расщелины. — Такую рану на теле планеты могло оставить только оружие колоссальной разрушительной силы.

— Судя по аналитическим отчетам командования, внутри самой Атлантиды вспыхнула гражданская война. Смертоносный космический вирус был далеко не единственной причиной их заката. Посмотри на нас: и в сытые годы, и в черные дни люди продолжают грызть друг друга глотки, развязывая бессмысленные кровавые бойни. Тысячи лет мы твердим об уроках истории, но раз за разом совершаем те же ошибки. Войны не прекращаются никогда.

— Человек слаб, хаотичен и порочен. И эту червоточину мы, похоже, унаследовали от своих создателей, — Роджер тяжело вздохнул. Как историк и лингвист, он всегда пытался разглядеть за сухими фактами скрытую суть вещей.

Хань Цзин не успел ответить на эту тираду. Стоило ему снять шлем, как на его запястье замигал сигнал вызова — вызывал Морис.

<http://bllate.org/book/19677/2006492>